

Татьяна Крюкова

За гранью

Каждый взрослый
в душе — маленький,
любопытный ребенок,
мечтающий заглянуть
в запретную комнату

Татьяна Крюкова
За гранью. Каждый взрослый
в душе – маленький,
любопытный ребенок,
мечтающий заглянуть
в запретную комнату

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24612168
ISBN 9785448539923

Аннотация

Клинический психолог Ирина Матвеевна, работающая в небольшом городке в клинике для душевнобольных, встречается необычного пациента. На личной беседе с пациентом Ирина Матвеевна узнает о наличии в голове Виталия, так зовут больного, большого количества неземных существ, которые полностью овладели жизнью больного. Странный пациент раскрывает многие тайны, а вот где правда, а где вымысел, предстоит разобраться.

Содержание

I	5
II	12
III	16
IV	28
V	30
VI	32
VII	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**За гранью
Каждый взрослый
в душе – маленький,
любопытный ребенок,
мечтающий заглянуть
в запретную комнату**

Татьяна Крюкова

© Татьяна Крюкова, 2017

ISBN 978-5-4485-3992-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Сегодня, сев за клавиатуру я подумала, зачем я это делаю, кому это нужно, столько книг написано, немало находится в стадии боевой готовности, чем будет моя история? Интересна ли она будет читателю? Может да, а может нет, ответ на этот вопрос можно получить только после того как вы, дорогие читатели оцените мой рассказ.

Итак, я клинический психолог, с не очень большим стажем работы, но мне в некотором смысле слова —повезло, встретить пациента перевернувшего все мое представление о жизни до смерти и после нее.

Клиника наша находится в небольшом провинциальном городке, обозначим его, как это принято, буквой «N». Пациентов здесь не много, беспокойных почти нет, все тихо и спокойно. Иногда правда в ночной тишине плачет наш Семен Маратович семидесятипятилетний старичок, с белоснежной головой и по-детски чисто-синими глазами. Плачет он от того, что боится «голоса», который все его зовет с собой, а куда Семен Маратович сказать не может. Иногда этот голос начинает ему угрожать и тогда он зовет «нянечку», так он называет наших медсестер и прижимается к ней, трясась всем телом, как осиновый лист. «Нянечка» ласково гладит его по голове и словно маленького дитя баюкает на кровати до того момента пока Семен Маратович не успокоится и не заснет.

Мед персонал у нас очень добродушный, и мы все любим Семен Маратовича. Он очень славный старикашка, не доставляющий никому никаких хлопот.

В первые я увидела Семен Маратовича еще будучи студенткой, когда нас, будущих клинических специалистов привезли на практику в местный психдиспансер. Это сейчас у нас есть клиника для душевнобольных с пятью больничными корпусами, а тогда это была просто «психушка» со всеми отсюда вытекающими последствиями. Так вот, будучи студентами, нашу группу привозили для практики в данное заведение, где мы изучали виды умственных аномалий, так сказать воочию.

Однажды нас всех посадили в большом кабинете и попросили не шуметь, а внимательно следить за всем происходящим. В кабинет завели старичка – это был Семен Маратович. Его вид поразил нас всех. Он улыбался и смотрел на всех ясными синими глазами. Его глаза просто лучились, каким-то светом. Вместе с ним зашел профессор психиатрии, который прибыл в психдиспансер для изучения «интересного случая». Он сел напротив Сергея Маратовича и стал задавать ему вопросы.

– Здравствуйте Семен Маратович. Меня зовут Алексей Петрович. Как вы себя чувствуете? – задал свое первый вопрос профессор.

– Спасибо, Алексей Петрович, хорошо – ответил Семен Маратович. Голос у него был немного дребезжащий и очень

негромкий.

– Расскажите нам, как вы здесь устроились, все ли вам нравится?

– Мне все нравится, кушать дают, и гулять можно. Алексей Петрович задал еще несколько дежурных вопросов, а потом спросил:

– Ну что Семен Маратович, расскажете нам, что в ближайшее время произойдет... ну, допустим, в Северной Америке?

Мы все молча, переглянулись, не понимая вопроса. При чем здесь Северная Америка, но тут на наших глазах с Семеном Маратовичем стала происходить разительная метаморфоза. Его лучистые глаза, как бы враз погасли, улыбка сошла с лица, он сразу как то весь осунулся, его взгляд остановился на стене и замер. На шее у него была родинка, величиной с небольшую пуговицу, он приставил к ней руку, и стала на нее нажимать. При этом он все время говорил: – «Кремль, кремль прием». Кто-то из группы захихикал, но Алексей Петрович метнул на него такой взгляд, что он моментально смолк и мы все стали наблюдать за старичком.

– Кремль, кремль вы слышите меня? Какие новости в Северной Америке? Затем он замолчал. Примерно минуты через полторы-две он снова заговорил, – Да, да, вас понял. Отбой.

Все так же держа руку у шеи и прижимая ее к родинке, он стал говорить. Нас поразил его голос, это был, какой-то

механический голос, без всяких интонаций.

– Пьер Трюдо ушел из политики. На его место пришел Джон Тернер.

Все студенты сидели тихо, не понимая, о чем идет речь. Алексей Петрович задал следующий вопрос: – Семен Маратович, можете более подробно объяснить о чем идет речь? И тогда он выдал текст, слушая который создавалось впечатление, что он его читает из газеты. Забегая вперед, скажу, что в августе 1984 года в газете «Политика» была опубликована статья, слово в слово процитированная ранее Семеном Маратовичем. Вот она: «В начале 1984 года премьер-министр страны и глава либеральной партии Пьер Трюдо ушёл из политики. Учитывая падение популярности либеральной партии, Трюдо не стал ждать 1985 года, до которого парламент оставался легитимным, а 4 июля обратился к генерал губернатору страны Жанне Сове с просьбой распустить его. Основной причиной этого послужили опросы, которые показали, что у либералов нет шансов выиграть выборы, если их главой останется Трюдо. На его место пришёл Джон Тернер, который заявил, что будет баллотироваться на всеобщих выборах, а не на довыборах, что является общепринятой практикой. Тернер совершил ряд шагов, которые показали его устаревший подход в политике и жизни. В результате выборов в парламент страны прошли Прогрессивно-консервативная партия Канады, Либеральная партия Канады, Новая демократическая партия. Кроме того, в выборах прини-

мали участия, но не получили ни одного места в парламенте партия Носорог, Parti nationaliste du Québec, конфедерация регионов, Зеленая партия Канады, либертарианская партия, партия социального кредита, коммунистическая партия, партия дружества. Либеральная партия потеряла около половины голосов по сравнению с предыдущими выборами, а количество мест в парламенте упало со 135 до 40, один их самых худших результатов партии за историю. К ней вплотную приблизилась новая демократическая партия, сделав рассуждения о двух-партийной системе в Канаде не актуальными. Прогрессивно-консервативная партия выиграла 211 мест в парламенте, на 3 места побив свой рекорд 1958 года. Они получили большинство в каждой провинции и территории.

Рука Семена Маратовича опустилась, взгляд отмер, на лице заиграла улыбка и его глаза снова засветились, но вид у него был очень усталый. Все это происходило не больше трех-четырех минут. Он обвел нас всех взглядом, затем посмотрел на профессора и спросил, -Алексей Петрович, у вас еще будут ко мне вопросы, я что то очень устал.

Профессор потер рукой подбородок и спросил, -с кем вы сейчас разговаривали? Старичок удивленно вскинул брови, - Я?! Ни с кем, с вами. Я очень устал, можно я пойду?

- Да, конечно Семен Маратович, вас проводят. В кабинет зашел санитар и взяв старичка под руку помог ему встать и выйти с кабинета.

Мы все сидели молча, и не могли сказать ни слова. Алексей Петрович говорил о том, что иногда такими феноменальными способностями начинают владеть люди при заболевании шизофренией и то, что он сейчас говорил, возможно, просто цитирование текста некогда прочитанного в газете или журнале. Мы спросили, каким образом он может этот текст так четко излагать, на что получили ответ, что дотрагиваясь рукой до родинки и производя с ней определенные манипуляции, Семен Маратович входит в состояние транса, и именно в этот момент из глубин сознания выплывает виданная или прочитанная когда то информация, которую он и цитирует. Здесь я заметила, что Семен Маратович года называет 1984 и 1985, а на дворе конец 1983.

– Я не могу дать точного ответа на этот вопрос, – был ответ профессора. –Этот случай требует длительного и тщательного изучения. На этом наша встреча окончена, всем всего доброго, – сказал он и вышел из кабинета, оставив нас теряться в догадках, кто же у него (Семена Маратовича) сидел в Кремле и сливал, как сейчас принято говорить, ему всю информацию))).

Потом мы узнали, что Семена Маратовича увезли в Москву, там несколько лет изучали его случай. Закрывали его в комнате без возможности доступа, к какой либо информации. Ни радио, ни телевизора, ни газет, ни книг, несколько дней полная изоляция от людей, но каждый раз при очередном вопросе Семен Маратович, производя определенные

манипуляции с родинкой на шее, выдавал достоверную информацию с любого уголка мира. А потом он стал плакать по ночам и звать «нянечек». И его снова отправили к нам. И вот уже более двадцати лет он живет в нашем больничном корпусе №3 и тихонько плачет ночами в полнолуние.

Окончив университет, не сразу, но я пришла работать в клинику. Работая с людьми, с умственными расстройствами, каждый раз наталкиваешься на вопросы, на которые очень сложно получить ответы. Порой невозможно этого сделать совсем и тогда включаешь в работу свое воображение, и иногда оно тебя заводит в такие глубины, что становится страшно, а иногда жутко интересно, а ну, как я окажусь права? И однажды в нашу клинику поступил тот, кто дал мне ответы на многие вопросы, которые в свою очередь породили новые и этой информацией я хочу поделиться с вами.

II

Этот день не отличался ничем от других больничных будней. С утра медсестра принесла документы на нового пациента. Внимательно их прочитав я узнала, что больного зовут Виталий, сорока трех лет. В графе «диагноз» стоял код – F20.0, что означает параноидная шизофрения.

В параноидной шизофрении доминирует относительно устойчивый, часто параноидный, бред, обычно сопровождающийся галлюцинациями, особенно слуховыми. Множественны и расстройства восприятия. Нарушения аффекта, воли и речи, либо отсутствуют, либо относительно незаметны.

Когда он зашел в мой кабинет для оформления, первое на что я обратила внимание, это взгляд исподлобья, но взгляд очень пронзительный, вполне осмысленный, но подозрительный. При заполнении документов он отвечал односложно, строго по теме, знаете, слишком разумно для человека с его диагнозом. Все мои попытки вывести его на более непринужденный тон, потерпели неудачу. Он явно хотел побыстрее от меня отделаться, но вот что странно, он постоянно, во время разговора, нервно дергал головой, как бы от чего то отмахиваясь и переводил взгляд то в сторону, то обращивался назад, то замирал, как бы к чему то прислушиваясь. Заполнив все необходимые бумаги, я его отпустила. Он

быстро встал и вышел из кабинета.

– Если я не ошибаюсь, то Виталий «голосит» – подумала я, как впоследствии оказалось, не ошиблась. Поясню, что я имела в виду под словом «голосит». Как уже было сказано выше, шизофрения сопровождается голосовыми и зрительными галлюцинациями. Человек слышит голоса, получает какую либо информацию, как он считает, разговаривает с ними и т. д. Все это он воспринимает как реальность и свято верит в то, что голоса и образы, которые он слышит и видит более, чем реальны.

Виталия определили в восьмую палату рядом с еще двумя больными. Он лег на кровать и отвернулся к стене. Обедать он не стал, ужинать тоже. На следующий день, придя в клинику я, делая свой ежедневный обход, зашла и к Виталию. Он все так же лежал лицом к стене. Виталий – обратилась я к нему, – вы не хотите со мной поговорить? Он повернулся, сел на кровати. Голова его была опущена, он не смотрел мне в глаза.

– Как вы себя чувствуете Виталий? – спросила я.

– Как я могу себя чувствовать, нормально, – ответил он.

– Сегодня в час, после обеда у нас с вами назначена встреча. Сразу же после столовой зайдите ко мне в кабинет, пожалуйста.

– Понял, – коротко ответил Виталий и снова лег, отвернувшись лицом к стене. Выходя из палаты, я услышала, что он тихонько с кем-то спорит.

– Интересный пациент, – подумала я, – нужно с ним поработать!

Ровно в час в дверь моего кабинета постучались. Дверь открылась, в нее заглянула медсестра: – Ирина Матвеевна, я новенького к вам привела.

– Спасибо Мария Николаевна, пусть заходит. В кабинет зашел Виталий и сел за стол напротив меня.

– Ну что, еще раз здравствуйте Виталий. Он молча кивнул головой.

– Вы готовы со мной поговорить? – спросила я.

– Что вы хотите узнать? Такой прямой и резкий ответ меня немного удивил. Я помолчала, выдержав его взгляд, и ответила: – хотела, что бы вы рассказали мне о том, что вас тревожит. Он не сводил с меня пристального взгляда.

– А с чего вы взяли, что меня, что-то тревожит?

– Ну, неспроста же вы у нас, тем более по своему желанию, это уже повод для разговора. А затем я спросила прямо: – Вы устали от их присутствия? Он вздрогнул, метнул взгляд в сторону, затем снова посмотрел на меня, – что вы имеете в виду?

– Доверьтесь мне Виталий, я вижу, что вы слышите их, возможно, видите, не бойтесь, мне вы можете доверять. Он тяжело вздохнул, откинулся на спинку стула и сказал:

– Да, я их слышу, уже очень давно.

– Кого? Это одно существо или их много? У них есть имена?

– Много. Я пока не готов назвать имена. Чаще всего я называю их иные.

– Можете мне подробнее об этом рассказать?

Виталий внимательно посмотрел на меня, затем тяжело вздохнул и начал свой рассказ.

III

Это появилось в начале ноября 1999 г., притом все сразу, голоса множественные, видения – глюки, вхождение разных сущностей в тело, которые пытались взять контроль над разумом, пытались менять ход мыслей, экспериментировали надо мной. Допустим мое мнение с одного угла зрения могло сразу переместиться в противоположное мнение и т. д. Я тогда был при деньгах, и мог поставить на место всякую приклатненную шушеру, думал, что ничего не боюсь и мне море по колено, была своя команда из крутых ребят. Но в первый момент, когда все это началось, у меня был панический страх, страх который пронизывает все внутри, страх от которого сходят с ума. Это сейчас я знаю, что при появлении они воздействовали некое устройство вызывающее данное чувство, но в то время я год жил в сумасшедшем виде, спасибо родичам, не сдали в психушку. Сестра практически одна тянула мой бизнес, ни моих связей, ни поставленных ранее договоренностей она не знала, в итоге сразу несколько магазинов стали убыточными. А я в то время лежал пластом и разговаривал сам собой. Херовое время, херовые воспоминания. Насчет видений, вначале оно пугает, не так-то просто это объяснить, пугает чем-то другим. Голоса в голове еще можно как то объяснить или понять, или принять за сумасшедший бред, за игру мозга и т. д. Но дальнейшее... Вот

представьте себе вдруг начинаете видеть нечто в цвете, при том так ярко – почти как телевизор, на галлюцинации не похоже, я не курил травку, не принимал наркотики или спиртное, был вполне в ясном уме если не считать как бы сумасшествие. Потом началась эра изумления, от виденного и услышанного, узнал много такого, которого нет в нашем мире. И постоянно в видениях присутствовал Альберт Эйнштейн, он объяснял мне, что со мной происходит научное чудо, что надо это принять ради блага бла бла бла... человечества и тому подобная агитация.

Виталий остановился и как будто к чему-то прислушался, затем усмехнулся и произнес, – ну вот, теперь он обиделся, ладно пропустим..

– Кто он? – спросила я.

– Альберт Эйнштейн, – ответил Виталий и продолжил:

– Второй год прошел более-менее нормально, типа привык. Но, при этом, время от времени меня конкретно удивляли. Как-то сказали, что мне поменяют ДНК, потом поменяют всю структуру тела... и при этом частично доказывали, например: раз смотрюсь на зеркало, а мои зрачки то увеличиваются, почти на всю ширь, то уменьшаются в крохотную точку, глаза утром становятся чуть раскосые, но к вечеру наоборот, уголки глаз опускаются вниз. То говорят, что в моем теле миллиарды и более мелких светящихся объектов и тут же в руках они проступают воочию, как россыпь мелкого, в порошок разбитого стекла, которая играет разны-

ми цветами при свете лампы. Зрительно видны были тени, немножко двигали шторами или мягкими и легкими материями, доказывая, что они в действительности существуют рядом. Появлялись царапины на руках и спине, как будто кто-то водил кончиком иглы. Но все это были только цветочки.

Где-то год я жил так, в это время они объяснили мне, что я не сумасшедший, и у них идет война между светом и тьмой, между добром и злом, между богом и антиподом. Странно то, что не с дьяволом или сатаной, а именно антиподом, имеющим если не больше, то такие же возможности как у бога. Я рос в советские времена, ни капли не верил в жизнь после смерти тем более в существование бога и тому подобных, с детства не боялся чертей и мертвых, даже на спор ходил ночью на кладбище. Хотя и сейчас не верю. Не кривя душой, могу признаться, что для веры надо иметь чувства, то, что двигает верой и желаниями, а я пустой, нет желаний, нет страха перед чем то, как говорят голоса – идеальный убийца, как будто кто-то управляет мной, все мысли навязанные, то, что говорю тоже не мои мысли. Я бы никому такое не рассказывал! Хотя понимаю что это спорный вопрос, и понимаю всю несуразность этого заявления. Вот так в спорах и живу.

В жизни обычный человек, холост, работаю, по мере возможности помогаю родственникам, и никто не знает, что в одно и то же время я живу в нескольких мирах. Никогда закон не нарушал, в общем, грехов нет.

Столь подробная информация меня несколько ошеломи-

ла. Но, не подав виду, я задала свой следующий вопрос.

– А что еще вы о себе можете рассказать? Виталий немного помолчал, пристально смотря в одну точку. Потом еле заметно качнул головой и продолжил свой рассказ.

– Мне вроде нечего рассказывать, все обычно, родители преподаватели, я старший, потом сестра и младший брат. Рос вроде нормально, жили в деревянном многоквартирном доме, в квартале, где жили работяги, туалет на улице. Все время проводил на улице, играли только войнушку, снежки и хоккей. Иногда дрались, но, по-моему, в то время вся основная масса так и жила. С класса шестого начал учиться плохо, в основном как бы сказать, хулиганствовал, курил папиросы, и иногда употребляли вермут. Еле дотянул до восьмого класса, кое-как закончил и меня спровадили на учебу, в другой город. Поступил по связям отца, проучился четыре года, тоже не ахти как, потом армия, попал в секретку КГБ, прослушка стратегических бомберов и ядерных подводных лодок Америки и НАТО. Часть находилась в Арктике, точнее на краю ледовитого океана в тундре. Там было огромное антенное поле, спецантенны через спутник, возможно, оно как то связано с тем, кем я стал. В армии заболел полиартритом, но прослужил полный срок. После армии два года провалялся по разным больницам, и со временем, то есть отсюда выяснил некоторые странности в то время когда меня обследовали. Каждый раз, когда мне проверяли сердце, то постоянно отправляли на повторное обследование. Один

раз врач мне сказал, что показание как бы дублируется, вроде как второе сердце, которое работает по другому. На второй раз всегда получалось нормально. Потом я излечился, но еще лет пять жил на таблетках. Работал по профессии только год, потом кочегарил и т. д. С 93 г., начал коммерсантовать, и в 1999 г., уже имел несколько магазинов, но после того как они вошли в меня начал потихоньку терять хватку, и соответственно последовало банкротство. Оставил только один магазинчик, покрыл все долги и отдал магазин брату, за символическую цену. Потом жил лет пять кое-как. Наверное, сущностям привыкшим жить всегда при средствах, надоело нищенствовать, и я опять начал зарабатывать деньги. Небольшие, но хватало на обычное существование. Вот и все, ничего необычного, все серо и обыденно.

Затем, немного помолчав, Виталий продолжил:

– В данный момент живу в поселке, работаю вахтовым методом. Родственников немного, где-то в период с 2000 по 2006 г, многие из них умерли насильственным путем, зять, двоюродный брат, и еще несколько родственников! Потом умер отец. Всю жизнь не болел, раз уснул и не проснулся, племяннику проломили голову битой, так что ставили титановую пластину, это только основные беды, чуть менее значимых полно, типа: болезней, пожаров, банкротства и т. д. Как они говорят это за несговорчивость и неверие в них! И еще: вымерли все соседи, кто насильственным путем, кто как бы естественным путем, а многие из них бы-

ли молодыми. Самое плохое то, что не только темные это сотворили со мной, но и светлые. Теперь я все слышу, вижу и ни во что их не ставлю, когда хочу, посылаю и бью. Вот мои проблемы. В данный момент критических проблем нет, но вначале они были, думал, что сошел с ума.

Виталий рассказывал, не скрывая эмоций и было видно, что ему достаточно трудно их сдерживать, и он очень глубоко переживает, поэтому я спросила:

– Вам тяжело об этом говорить, вы чувствуете свою вину в этих смертях?

Виталий качнул головой в знак согласия.

– Если бы я согласился на их условия, может и не было бы столько смертей. Но условия были таковы, скажем абсолютно противоположные принятым обществом ценностям. И еще очень сильно гнетет то, что не могу разгадать этот ребус. Как может быть так, что я слышу множество голосов, которые все разные, по взглядам на жизнь, по убеждениям и по моральным принципам. Так же если в меня впишут много сущностей, то становится жарко, если мало, то холодно, при этом все время мне втолковывают, что я не имею души и соответственно без них буду овощем, без мыслей и желаний.

Самое сложное – это видения, поясню, как это происходит. Как бы включается тумблер, и начинаются видения, разные, вполне объемные и цветные, как телевизор, но объемный и иногда осязаемый, сам называю это встроенным в мозг

3D телевизором, удивительно то, что при желании можно управлять происходящим в видениях, но это им не нравится.

Плюс ко всему как бы двигаюсь во времени, при этом появляется головокружение и тошнота. Есть кое, какие предположения, но это только мои догадки.

Виталий поднял свой взгляд на меня, -вы мне не верите да? Поверьте, я достаточно стар, чтобы фантазировать, то, что есть, все равно есть и мне никуда от этого скрыться. Никогда не показывался психиатрам, но вам это рассказал, возможно, вы поможете мне чуть приоткрыть завесу тайны.

Замолчав, Виталий посмотрел на меня. В его взгляде я увидела вопрос, на который не могла дать утвердительный ответ. С одной стороны, с медицинской точки зрения, все ясно, как божий день. На лицо все признаки шизофрении. Лечение данного заболевания в некоторых случаях дает неплохие результаты, но что-то здесь не так. Не дает мне покоя слишком связанная речь. Речь шизофреника характерна торопливостью, некоторой корявостью, в более тяжелых случаях несвязанностью, монотонностью и отсутствием эмоций, а здесь все разложено по полочкам. Все предложения имеют логическое завершение. Нет перескакивания с одной темы на другую.

Для примера приведу описание состояния пациентки П., которая проходит лечение в нашей клинике в течении уже 6 лет. Диагноз — шизофрения. Болезнь протекала в виде приступов, различных по структуре. Это были фазовые де-

прессии или маниакально-экстатические состояния, сопровождающиеся видениями ярких фантастических образов, сказочных, космических, инопланетных сюжетов. Её рисунки и комментарии к ним были воспроизведены братом, человеком, профессионально владеющим живописью. Больная ярко, эмоционально рассказывала ему, что «присутствовала при гибели мира», когда всё вокруг взрывалось и рушилось, «в дыме и грохоте огромными вереницами летели человеческие черепа» и «нанизывались» на её голову, «в голове расселились орды всякой нечисти, змей и прочего, они вели между собой войну». Вот один из этих рисунков.

Или еще один.

Согласитесь, эти рисунки выдают все страхи человека. Обратите внимание на глаза. В них застывший ужас и непонимание. Для большей наглядности приведу пример эксперимента, который указывает на обоснованность утверждения о поражении центральной нервной системы, которая сопровождается заболеванием, описываемое нами в данный момент.

Взяв одну перчатку, психиатр показала ее П.

– Как вы думаете, что это?

– Сейчас посмотрим, – сказала П. и, взяв перчатку, стала внимательно ее изучать.

Смотрела она на нее довольно долго, затем, положив на стол, сказала:

– Цельная, непрерывающаяся, свернутая как-бы на себя поверхность. Затем, подумав еще немного, добавила:

– Тут еще есть, – она поколебалась, – пять... ну, как сказать... мешочков.

– Хорошо, пусть так, – сказал врач. – Вы дали описание. А теперь скажите, что же это такое?

– Что-то вроде кармашка с отделениями...

– Ну, допустим, и что же туда кладут?

– Да много чего можно положить, все, что влезает! – расмеялась П. – Есть много вариантов.

– Приведите пример, – попросил психиатр.

– Это может быть, например, мешочек для мелочи, для пуговиц, разных размеров. Еще можно положить...

Врач прервал П.:

– А вам ничего другого этот предмет не напоминает? Ну, может, ее можно на что-то надеть. Подумайте?

П. долго думала, но не смогла дать ответ. Она не разглядела в перчатке ничего знакомого.

Поражение головного мозга, в случае с П., имеет нарушение речи и воспроизведения через речь зрительных образов и называется – амнестической афазией.

Амнестическая (оптическая) афазия, по классификации А. Р. Лурия, возникает при поражении задненижних отделов височной области. К ним относятся отделы 2-го и 37-го полей конвексительной поверхности полушарий и задненижние отделы 20-го поля на конвексительной и базальной

поверхности мозга. В основе этой формы афазии лежит слабость зрительных представлений, зрительных образов слов. Состоит она в том, что больные не способны правильно называть предметы, но пытаются дать им словесное описание и обычно стремятся показать, как это делается.

Например, когда врач показывает ручку и просит пациента её назвать, то пациент обычно отвечает: «Ну, это то, чем пишут». Подсказка помогает пациенту вспомнить нужное слово. Но проходит небольшое время, и он вновь забывает название предмета.

В речи больных с амнестической афазией мало существительных и много глаголов. У больных с амнестической афазией, нет каких бы, то ни было явных зрительных гностических расстройств, они прекрасно ориентируются и в зрительном пространстве и в зрительных объектах. Амнестическая афазия так же, весьма характерна для пациентов с болезнью Альцгеймера.

На этом примере видно, насколько меняет мышление заболевание, а с Виталием все выглядело иначе.

Взглянув на часы, я увидела, что с начала нашей беседы прошло более часа. Виталий явно был измучен, весь его вид говорил о тяжелом внутреннем переживании. Опущенные плечи почти реально выдавали всю тяжесть груза давившего на него. А что это за груз? Плод большого разума или нечто другое? Это мне и предстоит узнать.

IV

Отпустив Виталия, я постаралась проанализировать услышанное. Я не первый раз вижу параноидную шизофрению, но этот случай отличался от других. Я вышла из кабинета и пошла по коридору. Навстречу мне шел Семен Маратович. Его улыбка как всегда не сходила с лица, но поравнявшись со мной, он вдруг резко остановился, прислонился к стене и положил ладонь себе на шею. Улыбка медленно сползла с лица. Как в те давние времена, глаза потухли, и он стал рукой трогать родинку на шее. Глубоким, совсем не похожим на свой голос, Семен Маратович произнес:

– Они хотят говорить с тобой. Они слышат тебя. Меня словно холодом обдало. – О чем вы Семен Маратович? Кто хочет говорить со мной?

– Они называют себя Иные, – последовал ответ. Не бойся, страх их только сердит.

Еще несколько секунд Семен Маратович стоял у стену, затем улыбка заняла свое привычное место, он отошел от стены и продолжил свой путь.

– Семен Маратович, о чем вы только что мне говорили? Он остановился, повернулся ко мне и с сияющей улыбкой сказал, – все нравится, кушать дают, и гулять можно. Затем отвернулся и пошел. Я стояла и не понимала, что со мной происходит. О чем говорил Семен Маратович и почему он

в точности повторил фразу 25 летней давности? Постояв еще немного, я пошла дальше. Мне необходимо было заполнить некоторые бумаги, а потом можно будет идти домой. Домой! Каждый день я вижу глубоко несчастных, потерянных и никому не нужных людей, у которых нет дома. Все, что они имеют, это койко-место в клинике для душевнобольных. Мне давно уже пришло понимание, как много значит это слово – дом. И хотя семьи у меня нет, все же я с большим желанием иду домой.

Вечером, сидя за столом с кружкой горячего чая, я вспоминала Виталия. Жалость плохое чувство, многие даже считают, что оно унижает, но все-таки, по-человечески, мне было жаль Виталия. По-сути, кем является этот человек? Ведь если принять за правду, то, что он мне рассказал, он уже много лет является заложником чужого разума. Кто же такие, эти существа, которые так безжалостно используют человека? Хотя, что это я? Я же клинический психотерапевт, я знаю, что никаких Иных нет, все это плод больного воображения Виталия. Но даже если это и так. Все равно от этого ему не легче. Ведь для него они существуют. Они реально мешают ему жить, превратив всю его жизнь в сплошную борьбу, и вряд ли он уже способен отличить где, правда, а где вымысел. Вымыв кружку, я поставила ее на полочку, умылась и забралась под теплое одеяло. А теперь пора спать. Это была последняя фраза, прозвучавшая в моей голове. Я провалилась в сон и проспала до самого утра.

V

Открыв глаза, я посмотрела на часы и поняла, что еще достаточно рано, хотя солнце стояло уже довольно высоко. Летние ночи довольно короткие, солнце встает рано. Я сладко потянулась, мне была приятна мысль, что вставать еще не нужно и можно еще поспать. Закутавшись в одеяло, я жуткая мерзляка, и даже летом сплю под теплым одеялом, я постаралась снова уснуть, но тут я вспомнила про Виталия и его рассказ. Ну, все, подумала я, теперь не засну. Прогоняя в голове картинку вчерашнего разговора, я не заметила, как уснула. Во всяком случае, я думаю, что я все-таки спала, и то, что со мной произошло, было все-таки сном. Мысли продолжали копошиться в моей голове и вдруг до меня дошло осознание, что со мной что то не так, я как будто сплю, но, тем не менее, я мысленно озвучиваю свои ощущения.

Тут я почувствовала, что с низу, начиная со стоп, вверх поднимается волна, она проходит по всему и телу и достигает головы, и здесь происходит нечто странное, как будто тумблер включился в моем мозгу, я начинаю видеть с закрытыми глазами, но видеть как то странно. Я поднимаю свою руку, смотрю на нее и вижу, как из пальцев льется энергия. Именно это слово возникает в моей голове – энергия. Руку я вижу как бы схематично, как в компьютерной графике. Мне не страшно, мне очень интересно, и тут у меня возникает

желание попытаться силой этой энергии сбросить с себя одеяло, я делаю попытку, сбросить одеяло и тут.... Я вылетела из собственного тела.

Знаете, прямо, как в кино, когда показывают, как душа выходит из тела, так и я взлетела вверх.

Как передать, те ощущения, которые меня охватили в этот момент, не знаю. Восторг, вперемешку с абсолютным счастьем, легкостью. Я поднялась вверх, подлетела к люстре, а потом все кончилось. Я открыла глаза, за пять минут до звонка. Я лежала на кровати, укутанная в одеяло. Мне стало не по себе. Вообще то, когда мы учились, нас предупреждали, что нельзя слишком близко принимать, то, что случается с больными, ибо шизофрения может быть заразна. Смешно, да? Возможно, но... Может быть слово «заразна» не совсем верно, не в том смысле, что передается воздушно-капельным путем, но человек, который все время находится в окружении душевнобольных, вполне может и сам стать таковым.

Нужно быть поосторожней, сказала я сама себе. Не хотелось бы на практике подтвердить не доказанную теорию. Я встала, пошла на кухню, включила чайник и отправилась в душ. Прохладные струйки смахнули с меня остатки сна и непонятное ощущение после случившегося.

VI

Придя на работу, я первым делом произвела обход. Ночь прошла без происшествий, все мои больные были на месте. Сделав все назначения, я села заполнять свои бумаги. В час была назначена встреча с Виталием. Минута в минуту он постучал в мой кабинет.

– Можно? – спросил Виталий.

– Конечно, проходите.

Виталий зашел в кабинет, сегодня его взгляд уже не был таким подозрительным, но, тем не менее, опущенные плечи говорили о подавленном состоянии.

– Ну как вы провели ночь Виталий?

Он пожал плечами: – Как сказать, нормально, если не считать бесконечной трескати Иных.

– Они снова говорили с вами?

Виталий усмехнулся, – Снова... так они и не прекращали. Они никогда не молчат. Их слишком много, они спорят между собой. Просто я научился отключаться и не слушать их.

– О чем же они спорили сегодня? – спросила я.

Виталий немного подумал и ответил: -невозможно сказать, о чем они спорят. Представьте, что одновременно говорят несколько радио и телевизоров и все на разных каналах и волнах. Сможете вы разобрать, о чем они говорят? Так и в моем случае. Только когда они говорят конкретно

со мной, тогда говорят по очереди. Хотя и здесь не бывает без споров. Он посмотрел в сторону, затем отмахнулся и посмотрел на меня. Понимаю, вы мне не верите. Считаете меня больным.

– Виталий, вы не волнуйтесь, я не считаю, что вы фантазируете, хотя конечно, диагноз у вас стоит неутешительный. У нас ведь у врачей как, что нам неизвестно, то значит, не имеет место быть. Рассказывайте дальше, что с вами происходило. Виталий снова задумался, возможно, собирался с мыслями, а может быть прислушивался к голосам, потом очень пристально на меня посмотрел и начал говорить.

– Как вы думаете, выход из тела возможен? Я вздрогнула, довольно странный вопрос, учитывая сегодняшнее происшествие.

– Выход из тела в осознанном состоянии, как в психиатрии это объясняется? Однажды в детстве со мной произошло такое.

Странно, но у меня появилось чувство, что Виталий знает о том, что сегодня со мной произошло. Он очень странно действовал на меня. Казалось, что он перехватывает инициативу в нашей беседе. И вот уже не он, а я пациент. Утреннее происшествие поставило меня в тупик, и мне вдруг очень захотелось рассказать ему об этом. Немного помешкав я решила отступить от принципов и перевести беседу из русла пациент- врач, в доверительную беседу двух равноправных людей.

– Знаете Виталий, я могу вам поверить, потому что и у меня появился опыт выхода из тела. Я рассказала ему об утреннем случае, поделилась своим восторгом, о том, как я управляла собой в этом состоянии, но Виталий остудил мой пыл.

– Думаю, что управлять собой после выхода из тела в астрале, невозможно. Возможен, только настраиваемый выход, так говорят, иные, но практики нет. Когда я выходил из себя, я находился как бы во сне, это еще называют сон в яви, но это было как реальность. Мне стало неловко, что это со мной, ну с какой стати я решила, что могу беседовать с пациентом на равных. Да узнай мой профессор об этом, я бы мигом вылетела с работы. Я взяла себя в руки, посмотрела в свои записи и задала следующий вопрос, который, по моему мнению, должен был поставить все на свои места. Я – врач, он – пациент. Не наоборот.

Скажите Виталий, были ли у вас травмы головы? Знаете, истории знакомы такие случаи, когда травмы головы, ну скажем так, меняли схему работы головного мозга и у людей открывались неординарные способности. И еще вопрос, хотите ли вы избавиться от вашей проблемы? Виталий пожал плечами, затем ответил:

– Насчет нечто в прошлом, что запустило работу моего мозга по другой схеме, – он задумался, затем ответил, – не знаю, можно ли это отнести, но имею контузию, несколько сотрясений и травм головы. Избавиться от этого, даже не знаю, правда, думаю что невозможно, пытался контроли-

ровать этот процесс, но не очень-то получилось, хотя сейчас они прислушиваются к моему мнению. Думаю, что сжил-ся с ними, да и просят не предпринимать никаких действий против них, на себе прочувствовал их возможности. Все-таки они есть, более чем реально! Потом он замолчал, как бы подбирая слова.

– Скорее всего, мне нужен собеседник, с кем можно говорить на тему иных, все держать втайне от всех очень сложно. И еще, хочу добавить. Я не употребляю спиртное, абсолютно, наркотики даже не пробовал, включая травы.

Я видела, что Виталий устал, ему было достаточно трудно говорить об этом, да к тому же в течении всего нашего разговора он все время озирался по сторонам, иногда прерывал свой рассказ, как будто к чему то прислушивался, затем снова продолжал говорить.

– Вы устали Виталий? – спросила я. Он кивнул головой и снова посмотрел в сторону. Я спросила:– ваши здесь? Он удивленно взглянул на меня, затем усмехнулся:

– А вы что верите мне? – спросил Виталий.

– Почему нет, – ответила я.

– Да, они здесь, они всегда рядом, никогда не оставляют меня одного. И они контролируют мой рассказ.

– Хорошо Виталий, идите, отдохайте, завтра мы с вами снова поговорим. Он встал, подошел к двери, открыл ее и молча, вышел в коридор, за которым уже стоял санитар, что бы проводить его в палату.

Когда за ним закрылась дверь, я стала размышлять. Меня давно мучает вопрос, а можно ли шизофрению считать болезнью. Нет, ну что касается здоровья человека, то да, конечно, это заболевание, но если учесть, что мозг это бесконечные возможности, может тогда это нечто другое, чем просто заболевание?

Все-таки я считаю, что шизофрения, это не совсем болезнь. Давайте сначала посмотрим, как ее характеризуют в справочниках:

Шизофрeния́ (от др. греч. σκίζω – раскалываю и φρήν – ум, рассудок), ранее лат. *Dementia praecox* («преждевременное слабоумие») – полиморфное психическое расстройство или группа психических расстройств, связанное с распадом процессов мышления и эмоциональных реакций. Шизофренические расстройства в целом отличаются характерными фундаментальными расстройствами мышления и восприятия, а также неадекватным или сниженным аффектом. Наиболее частыми проявлениями болезни являются слуховые галлюцинации, параноидный или фантастический бред, либо дезорганизованность речи и мышления на фоне значительной социальной дисфункции и нарушения работоспособности.

Вот как то так, все очень запутанно и сложно. Мое мнение таково. Что все вышеописанные изменения личности происходят вследствие того, что в головном мозге человека, по причине, каких либо внешних или внутренних воз-

действий, начинают работать иные функции, которые у нормального человека находятся так сказать «в спячке». Ведь мозг человека уникальная, не изученная не то что не до конца, а даже и на четверть машина, которая содержит всю информацию вселенной. И для того что бы вселенную хотя бы понять, я не говорю уж изучить, необходимо время от времени открывать те или иные спящие функции, которые приоткрывая завесу дают направление, которое способствует очередному открытию. Примером этого служит то, что многие, если не все, великие люди немного были «не в себе». Шизофрения дает возможность видеть мир под другим углом, видеть то, что не могут видеть простые (здоровые) люди.

Шизофрению достаточно сложно диагностировать, если она, конечно, не приняла критический характер. Сделать это возможно только с помощью тестирования. На сегодняшний день не существует стопроцентных методик для диагностики данного заболевания. Это связано как раз таки со сложностью данного заболевания, из за его завуалированности. Причем шизофрению совсем недавно стали квалифицировать, как заболевание.

Наиболее популярный тест, это «Маска». Его можно легко найти на страницах всемирной сети интернета. Смысл теста, заключается в том, что демонстрируется маска, закрепленная на крутящейся стойке и освещенная направленным на нее светом. Как вам известно, маска имеет две стороны, выпуклую и вогнутую. При обычном использовании маски

мы без труда определим выпуклость и вогнутость маски, это для нас вполне решаемая задача, но поместив предмет в другую плоскость, изменив свет, человеческий мозг отказывается воспринимать очевидную игру света и тени, и продолжает воспринимать вогнутую сторону маски, как выпуклую. Достаточного объяснения этому нет, скорее всего здесь действуют искажение реальности и самообман, своего рода стереотипы сформированные в течении жизни. Лично я, сколько не пыталась увидеть реальную картину, всякий раз терпела фиаско. Ни разу мне не удалось сломать свои стереотипы. Это радует, значит, я здорова, ибо именно человек страдающий шизофренией эти стереотипы ломает и видит картинку такой какая она и есть, именно выпуклую сторону – выпуклой, вогнутую -вогнутой. Причина, по которой мозг шизофреника отказывается принимать оптическую иллюзию, пока до конца не ясна. Ученые предполагают, что она связана с неправильным или правильным, но уж точно «нездоровым» способом обработки визуальной информации и распознавания образов.

Мои размышления прервал шум за дверью. Я вышла, что бы узнать, что произошло. В конце коридора увидела, что санитары оттаскивают в разные стороны Петрушу, так называли пациента из 9 палаты и Марину из 12 палаты.

– Что случилось? – спросила я, – вы что, подрались?

Петруша, стал тыкать пальцем в Марину и заикаясь произнес:

– О-о-нна ска-а-залла, что я ду-у-рак!

Я с укором посмотрела на Марину.

– Марина, ну что это?

– Да?! – парировала Марина, – а он сказал, что я некрасивая. Марина стала приглаживать давно не мытые волосы. На ней был старый рваный халат, который она ни при каких обстоятельствах не хотела снимать. Если это пытались сделать силой, с ней случался истерический припадок, во время которого она рвала на себе волосы и царапала лицо. Для того, что бы снять халат хотя бы для стирки, приходилось вкалывать ей успокоительное, после которого она спала почти 12 часов. В это время халат снимали, стирали, сушили и заново одевали на Марину.

Мыть наших пациентов тоже довольно часто приходится силой. Одна из характерных признаков шизофрении, это потеря социальных навыков и полное пренебрежение к личной гигиене. Думаю, Петруша был не далек от истины, говоря о том, что Марина не красивая. Хотя, как сказать... Марина наша местная поэтесса. Она все время пишет стихи. Одно из них я процитирую.

Мне страшно. Голова гудит.

Там мечутся слова и просятся уйти.

Пусти нас Соня, в мир пусти,

Но рот мой на замке, а ключ к замку в мозгу.

И как его достать?
Ну помогите ж мне!
Я не хочу немой остаться!
Но страх засовом запер рот.
Слова рождаются, живут и чудеса творят,
В мирах, что в голове я создаю.
И вот в конце концов и умирают.
Что б им жить, их надо в мир во вне пустить.
Но как? Скажите мне,
А вдруг их люди не поймут.
Сквозь рот мой проходя
Изменятся слова, их мир не примет.
Оттолкнет, а вместе с ними и меня.
Как жить? Мне страшно. Голова гудит.

Мне кажется, что стихотворение не лишено смысла. Во всех своих произведениях Марина, почему то называет себя Соня. Будь Марина здоровым человеком, можно было бы предположить, что Соня-это псевдоним. Но шизофреники лишены здраво мышления и Соня она, только по ее, одной ей понятной, причине.

– Ребята, – обратилась я к санитарам, – отведите Петрушу в палату, а Марину сейчас я отведу.

– Вот, – сказала Марина, – видишь, меня Ирина Матвеевна ведет, а ты говоришь я не красивая. Гордо подняв голову, Марина в моем сопровождении проследовала в палату, где взяв тетрадку и карандаш, принялась сочинять очередной «шедевр».

Проходя мимо 8 палаты, я заглянула и увидела, что Виталий сидит на кровати и читает книгу. Я хотела зайти в палату, что бы спросить его о самочувствии, но потом решила понаблюдать за ним со стороны. Читал он сосредоточенно, но изредка открывал голову от книги, что-то тихо говорил в сторону, затем снова погружался в чтение. Я простояла около получаса. За это время Виталий несколько раз отрывался от книги и общался, с каким то, только ему видимым, собеседником. О чем они говорили, услышать было не возможно. Скорее всего, обсуждали прочитанное. Постояв немного, я все же решила зайти и спросить, что он читает. Зайдя в палату, я села напротив Виталия и спросила:

– Что читаете? Виталий протянул книгу, и я увидела название. Это была «Божественная комедия» Данте. Если кому не известна эта книга, скажу, что Данте описывает Ад, Чистилище и Рай. Очень сложное для восприятия произведение. Читать его довольно трудно.

– Скажите Виталий, наблюдая за вами, я обратила внимание, что вы несколько раз с кем-то начинали говорить. Кто это и о чем вы говорили? Виталий отложил книгу в сторону.

– Мы обсуждали то, что написал Данте.

– А, вот как. И что же они говорят?

– Говорят, что Данте неправильно их понял. Он пишет о девяти кругах Ада, но их куда больше.

Я немного опешила от столь прямого ответа, но через некоторое время снова задала вопрос.

– Вы хотите сказать, что Данте это, я указала на книгу, не выдумал?

– Конечно, нет, ответил Виталий. Он описывает то, что ему было показано, но в описаниях сделал ошибку.

– Хорошо, – согласилась я, – а что вы еще можете сказать о других писателях, ну допустим, Булгакове, о его произведении «Мастер и Маргарита»? И внезапно озвучила непонятно откуда возникший вопрос.

– А Есенин, был убит или сам ушел? Может ваши Иные смогут ответить на данный вопрос?

– Булгаков? О нем я ничего не знаю, мать тоже его любила, но по сути вопроса у меня нет ответа. Насчет Сергея Есенина, большинство говорит, что его убийство вполне возможно, и не обязательно спецслужбами, он был забияка и задира, мог напороться на кого-то очень горячего. Что-бы не подставиться, спецслужбы все это закамouflировали. Немного помолчав, я встала с кровати, попрощалась с Виталием и вышла из палаты.

Часы показывали 17:20. Рабочий день подошел к концу и можно идти домой.

VII

Я уже почти собралась, когда зазвонил телефон. Я взяла трубку, звонил Саша, Александр Васильевич, психотерапевт с хорошим стажем. Несмотря на то, что Саша врач с большой буквы, в жизни он совершенно несерьезный человек. В свои, 38 лет, он не женат, и меняет любовниц по нескольку раз в квартал. Сегодня его дежурство, и звонок не предвещал ничего хорошего.

– Привет Ириш, – услышала я в трубку, – выручай, заменить меня надо.

– Нет, Саш, я не могу, у меня дела, – попыталась отвертеться я.

– Ириш, ну ты же друг, ну надо, очень. Потом я тебя выручу.

– Саш, ну имей совесть, за то время, что я тебя выручала, я могу месяц спокойно на диване пролежать. Я уже ненавидела себя, за то, что взяла трубку. Но назад пути у меня уже не было.

Я понимала, что моя мечта о теплой кровати осталась в прошлом. Настырный Саша не отстанет ни за что. Еще немного поломавшись, для проформы, я согласилась и со вздохом положила трубку. Переоделась в халат и поставила чайник. Все процедуры были выполнены, и если мне повезет я, спокойно проведу ночь. Попив с санитарками чай,

мы каждый разошлись по своим местам. Я зашла в свой кабинет и прилегла с книгой на диван.

В отделении было очень тихо, все больные разошлись по своим палатам. На удивление сегодня никто не бормотал и не плакал. Я погрузилась в чтение.

Захватывающий сюжет унес меня в дикие джунгли, и когда я оторвала глаза от книги, и глянула на часы, было двадцать минут одиннадцатого. От приключений меня отвлекли шаги, не быстрые, осторожные. Я встала, открыла дверь и выглянула в коридор. Дверь в палату №8 была приоткрыта, оттуда била полоска света. Интересно, кто это у нас ходит по отделению в столь поздний час. В девять часов уже никого нет, все сидят по своим палатам, тем более удивительными были эти шаги.

Подойдя ближе к двери я заглянула во внутрь и увидела, что на кровати Виталия сидит Света. Эта девочка 19 лет отроду поступила к нам после попытки суицида. Очень замкнутая, неразговорчивая, выросшая в семье, где вечно пьяный отец гонял их с матерью, она не верила никому. И когда ей задали вопрос, зачем она пыталась себя убить, ответила просто, – не хотела жить. Больше ничего мы от нее добиться не могли. Она ни с кем не общалась, ни с больными, ни с медперсоналом. К ней очень редко приходила мать и бабушка. Она целыми днями сидела или лежала на кровати, изредка выходила в общую комнату, где стоял телевизор, и больные устраивали его просмотр. А теперь, она сама пришла в па-

лату к Виталию. Я не стала поднимать шум, а решила понаблюдать, что будет дальше. Прислушавшись, я услышала, что Света рассказывает Виталию о себе.

– Вот вы говорите, что люди живут на земле только однажды. Второго раза не бывает. Но вот какое дело, я, всегда, сколько себя помню, любила танцевать, но так случилось, что там, где я проживала, возможности учиться танцам не было. Когда стала взрослой, пошла работать в местный клуб, собрала детишек и стала с ними готовить танцы. И вот в чем непонятность для меня, у меня, у той, которая никогда не училась танцам, оказались поставлены руки и ноги, как это бывает с теми, кто учился. Мое тело знает все позиции ног и рук, знает, как поставить ноги или руки в том или ином движении, знает, как двигаться, причем мне подвластны и классика и народные танцы. В испанском танце у меня испанские руки, в русском – русские, в классике – классические. Это происходит автоматически. Мне не один раз говорили о том, что по мне сразу видно, что я занималась танцами. Но я никогда ими не занималась. Теоретически я не знаю, как правильно выполнить то или иное движение, но я отключаю мозги, и доверяюсь своему телу, оно само знает, что делать. Порой мне надо объяснить ребенку, как поставить ногу в том или ином движении, вначале я это сделаю, потом смотрю, как стоят руки и ноги, и затем объясняю ребенку, как должно быть. И этот вопрос мучает меня давно. Может у меня предки танцоры и это генетическая память?

Или у меня зрительная память развита и я, видя на экране танцы, все это запечатлела, но ведь в любом случае должен быть навык. Вот вы можете мне на этот вопрос ответить?

Виталий внимательно ее слушал, не сводя с нее глаз. После того, как Светлана замолчала, он еще некоторое время сидел, молча, а потом заговорил.

– Все что твориться с вами вполне объяснимо, вероятно у вас есть, что то необъяснимое, экстрасенсорное, значит так или иначе вы связаны с Иными. Пока ваш мозг они не могут контролировать, управлять мыслительным процессом, но отключив свои мысли вы, поддаваясь только эмоциям, делаете то, что практически не можете сделать. Это означает, что к вам подключаются души тех, кто это умеет, и они через ваш мозг управляют движениями. Генетическая память такого уровня не может быть, это сложившиеся стереотип мышления, через книги, мнения и т. д. Плюс ко всему ваше желание танцевать, значит еще и есть свой талант к этому виду искусства. Есть только один способ это проверить, фактически доказать себе то, что я тебе сказал. Немножко поэкспериментируй, над этим, не могу сказать, что все получится сразу, но получится, это гарантированно. Что еще вы желали с детства, или потом, то чего не можете делать или практически знать. Вот на этом сосредоточьтесь, и так же отключив свои мозги, попытайтесь сделать. Если Иные действительно связаны с вами, то и это получится. Другая или другие души, которые знают, как действо-

вать, включаться, и так же через мозг направят ваши движение в нужном направлении. Хочу дать совет, не злоупотреблять данными знаниями, достигнув доказательства вам надо перестать делать такое. А исключительно знания направить на то, что есть, скорее всего, это танцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.